

Мегвинетухуцеси О.

январь, 1992

Дата Отара

Молодые грузины часто бывают красивейшими среди юношей. Но грузины, которых молодыми уже не назовешь, порой приобретают такое магнитное обаяние души, которое превосходит красоту и распространяется на всех людей независимо от их пола и возраста.

Когда Алексею Габриловичу в картине «Футбол нашего детства» понадобились воспоминания, и легендарные, а значит, часто фантастические, он стал снимать Резо Габриадзе. Не потому, что Резо

был таким уж страстным любителем футбола и глубоким знатоком этой игры: просто, о чем бы ни рассказывал этот человек на экране, оторваться было невозможно.

Но к чему другие примеры, когда достаточно указать на Отара Мегвинетухуцеси и вспомнить: этот человек был Датой Туташхиа — и станет понятно, о чем я хочу сказать.

Не играл Дату, а именно был им. Казалось, ему стоит встать посреди кадра, не играя ничего, и все

станет достоверным. Несомненный абраг (разбойник), но при этом какой-то странный. Абраг, душа которого не лежит к стрельбе и насилию.

Европейцы воскликнули бы: Робин Гуд — и сразу добавили бы: но с сильнейшей примесью Дон Кихота.

Но и это бы ничего не определило. В отличие от странствующего рыцаря и благородного разбойника, Дата занят одним: невмешательством в хаотическую, непорочную действительность.

№ 3 (107), 16—23 января 1992 года

Экран и сцена.

15-
14 страница

а прежде всего сохранением в ней себя, своего достоинства и чести. Как я могу исправлять мир, если потеряю себя? Но мир не отпускает Дату, требует его вмешательства. И Дата прежде всего непреклонен и, пожалуй, обречен. Если он вмешается, то не остановится. А значит, погибнет.

Актер щедро наделял своим магнитным обаянием не только абрага, но и всякого, с кем доводилось ему встретиться в разных ролях: и одинокого художника Пирсmani, и даже не грузин: например, еврея из фильма «Изыди».

Но мы, испытывая мощ-

ное тяготение с экрана, все-таки не могли забыть, на что грузинам случилось эту власть над душами расхаживать. Мы не забывали, что полицейский социалист, вроде нашего Зубатова, Мушни Зарандиа — несомненно, более грамотный, чем Дата, все-таки приходится ему двоюродным братом. А вместе с грамотностью политической Мушни приобрел способность к политической интриге. Если же такой человек станет интриганом, он будет дьяволом, вспоминали мы Сталина...

Мы думали, что грузинское искусство первым сказало нам об опасности Варлама Аравидзе в «Покаянии», но еще раз не

смогло уберечь нацию от губительной власти над душами. Многие находили, что Звиад Гамсахурдиа напоминает Варлама даже лицом, даже дьявольской причастностью к культуре (вспомните, как Варлам поет и как декламирует 66-й сонет Шекспира)...

И мы в день 60-летия желаем Отару Мегвинетухуцеси наконец победить своего «родственника». Чтобы люди, притянутые взглядами к уже немолодому грузину, чувствовали: эта власть над душами — от Бога, а не от дьявола.

Александр АРОНОВ.

№ 3 (107), 16—23 января 1992 года

Экран и сцена. - с 15